

О детской лжи

Публикация подготовлена по материалам журнала "Развитие личности" (№2, 1999)

Пётр Фёдорович КАПТЕРЕВ

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ:

**происхождение лжи,
мнимая детская ложь,
ложь из-за стремления продолжить удовольствие,
страх как причина детской лжи,
подлаживание — источник детской лжи,
притворные детские болезни,
средства борьбы с детской ложью,
“святая ложь”.**

Ложь есть раздвоение, дисгармония в человеке; лжец делает одно, а говорит другое; утверждает, что нечто истина, и в то же время сам сознаёт, что это нечто не истина. Состояние раздвоенности, внутренней дисгармонии не из приятных. Человек по природе есть органически цельное существо, без трещин, без надломов, он любит единство мысли и деятельности, направление своих сил в одну сторону. Всякое колебание, раздвоение, ложь ему не по сердцу, так как подобные состояния вносят тревогу и смуту в душу, ослабляют силы человека, заставляя его жить двойною жизнью — настоящею и мнимою, делать и лгать, а вместе бояться изобличения. Лгун постоянно носит маску, а хорошая маска требует весьма большого труда, чтобы плотно её приладить, чтобы из-за неё не выглядывало настоящее лицо. Закоренелый лгун вечный актер, непрерывно, без отдыха играющий роль.

Очевидно, лживость не может быть первоначальным состоянием человека. Естественный человек прост, доверчив, непосредствен, не обманывает ни себя, ни других; он живёт исключительно в сфере действительных фактов, всякие выдумки ему чужды, мир лжи и фантазии ему неизвестен. Он знает только то, что есть и было, — последнее, впрочем, плохо, — и совсем не подозревает о существовании никогда не бывшего — мира выдумки, искусства, мечты, лжи. Нужно некоторое развитие ума, чтобы оторваться от действительности и создать другой мир, в котором не сущее изображается сущим. Поэтому как первобытному человеку, так и детям ложь на первых порах бывает совершенно чужда, они её не знают и не понимают, они не могут себе представить этого состояния раздвоения человека, причин, его вызывающих, оно им неприятно. К чему какой-то искусственный, фальшивый, придуманный мир, когда и действительный мир так велик и прекрасен? Поэтому же и первобытные люди, и дети на первых порах крайне доверчивы, каждое слово, каждое обещание, каждое утверждение принимают они за несомненную истину, верят всему. Обмануть их не стоит никакого труда, так как они ещё не знают и не понимают обмана, не подозревают, что он существует, что можно говорить ложь, что можно обещать и не исполнять. Лгать приучаются первобытные люди от более просвещённых, дети от взрослых, и те и другие проходят науку лжи.

Прежде чем исследовать происхождение и развитие лжи у детей, мы должны остановиться на таких, довольно разнообразных состояниях детской души, когда дитя, не думая лгать и, может быть, даже не зная лжи, является в глазах взрослых несомненным лжецом. Эти состояния мнимой детской лживости, которые и родителям, и воспитателям нужно хорошо отличать от настоящей детской лжи.

Дети довольно медленно изучают речь взрослых, с трудом входя в её условия и правила, в её рамки. В детском языке много бывает своих собственных слов, чуждых языку взрослых; слова из речи взрослых дети нередко понимают по-своему, придавая им несколько иное значение; правильно склонять и спрягать, а равно сочетать слова дети дол-

гое время не умеют, делая множество ошибок во всех этих отношениях; времена, залогов, склонения — всё это даётся детям с трудом. Дитя очень похоже на иностранца, приучающегося говорить на новом языке: оно говорит неточно, непонятно, многое перевертывает и искажает, совершенно не замечая этого и стремясь совершенно искренно к полной точности.

Когда дитя, находящееся в периоде изучения речи, передаёт какие-либо факты, свидетелем которых оно было, оно может многое передать неверно, может много награть, по недостаточному знанию языка, не умея правильно выбирать слова и соединять их. Взрослому, присутствовавшему при тех же фактах, оно может показаться бессовестным лгуном, искажителем истины, а между тем ничего подобного нет: дитя просто ещё не овладело в достаточной степени языком взрослых, не умеет хорошо говорить и потому ошибается в выборе, изменении и сочетании слов.

Например, ребёнок сообщает вам: “Сегодня я ел яблоки”. По исследованию может оказаться, что сегодня он не ел, а ел вчера или третьего дня. Но в утверждении ребёнка лжи нет, так как он ещё не различает хорошо между сегодня, вчера и третьего дня. Маленький ребёнок в своём рассказе легко превратит копейки в рубли, аршины в сажени и версты, фунты в пуды и обратно, так как не знает точного значения всех таких слов. С виду он будет ужасно врать, но на самом деле вранья в его рассказах не будет.

Дети впечатлительны, на них сильно действуют такие впечатления, к которым взрослый уже привык и почти не замечает их. Таким образом, отношение взрослых и детей к одним и тем же впечатлениям будет неодинаково: страшное для ребёнка не страшно взрослому и обратно. К тому же дитя не может ещё правильно оценивать явления, их значение, их влияние на собственное положение и положение других.

Отличительные свойства детства неизбежно влекут большую или меньшую неправильность в усвоении впечатлений, недостаток объективности, примесь личного чувства, вследствие чего предметы уменьшаются, увеличиваются и связываются не так в представлении, как они связаны в действительности. Удивляться этим недостаткам детского усвоения нечего, так как у взрослых встречаются те же недостатки, и в весьма значительной степени. Строго объективное наблюдение без всяких прикрас, без искажения действительности — дело очень трудное, даже учёные-исследователи, несмотря подчас на искренние и серьёзные усилия избавиться от субъективизма, искажают свои наблюдения пред взятymi идеями и разными специальными точками зрения. Где же ждать объективной точности наблюдений от детей! Известен общепризнанный факт, что в детстве нам всё кажется большим: речка, пруд, в которых мы купались, представляются нам большими рекой и прудом; здания, в которых мы бывали в детстве, вспоминаются обширными, высокими и даже грандиозными; лес, лежавший возле того места, в котором протекло наше детство, густым, громадным, страшным и т.д. Когда же мы взрослыми приезжаем на родину после долгого отсутствия, тогда мы поражаемся более чем скромными размерами того, что в детстве казалось столь большим, и испытываем полное разочарование. Нас как будто кто-то обманул, кто то подменил вашу родину или произвёл в ней чудодейственную перемену. А между тем никто вас не обманывал, мы сами себя обманули, сами изменились: детство глядит другими глазами на окружающее, чем зрелый возраст.

Один пунктуальный немец-гувернёр педантически донимал своего пятилетнего питомца, зачем тот солгал, уверяя, что его папа очень, очень большого роста, между тем как на самом деле отец был ниже среднего роста. Доставалось бедному ребёнку и за упрямство, и за ложь, и за неуважение к гувернёру. А ребёнок признавал, хотя с большой неохотой, что такой-то дядя больше папы, но ни за что не хотел поступиться своим убеждением, что папа большой. И это не только потому, что действительно считал его большим, но ещё и потому, что, по детскому разумению, эпитет “маленький” признавал крайне оскорбительным для отца. Следовательно, пунктуальный гувернёр насиловал его совесть, требуя от него того, что он считал неправдой и обидой отцу.

Есть ещё одна весьма важная особенность детства, которая даёт часто повод считать

детей лгунами, когда они и не намереваются лгать, именно отсутствие точного и строгого разграничения между различными классами представлений. Взрослый, по большей части, очень хорошо различает между сновидениями и действительностью, между своими живыми, но фантастическими представлениями и образами действительных предметов, вообще между внутренним субъективным, только представляемым и мыслимым миром и объективным, внешним. У детей же все эти классы представлений ещё не разграничены с достаточной определённой, часто перемешиваются, вследствие чего возникает путаница, а дитя оказывается как будто бы грубым лгуном. Представления детей почти столь же живы, как и ощущения. Дитя часто утверждает, что видело и слышало то, чего не могло видеть и слышать, разговаривало с такими лицами, с которыми невозможно разговаривать, например, с отсутствующими или умершими. Один мальчик часто спрашивал свою мать: “Отчего это, когда я о чём-нибудь думаю, мне всё это так и представляется, точно я вижу пред собою картину?”

Четырёхлетнее дитя в течение целой зимы рассказывало каждому посетителю, что, будучи на даче в лесу, убило двух львов, съело их и в борьбе получило рану. Дитя было убеждено в действительности рассказываемого приключения и, в подтверждение его истинности, указывало в виде трофея шкуру зарезанной козы, служившую ковром, и царяпину на ноге. Источник этой истории — прослушанная дитятей журнальная статья под заглавием “Жерар, истребитель львов”. Дитя однажды вечером ознакомилось со смелыми деяниями истребителя львов и с тех пор стало рассказывать о своих подвигах со львами, так что весь его рассказ есть не что иное, как превратное воспоминание, смешение представлений двух различных порядков.

Ещё один факт. Один трёхлетний ребёнок с очень живой фантазией уверял всех, что, гуляя по Адмиралтейской площади в Петербурге зимой, видел за решёткой кусты с большими розовыми и белыми цветами. В прогулку, о которой он рассказывал, он видел цветочный магазин и в окне его — кадки с камелиями. Мать ребёнка, остановившись поговорить со встретившимися знакомыми, не заметила цветочного магазина и потому была вполне убеждена, что он выдумывает. Между тем в голове ребёнка воспоминание о действительно виденных зимой в магазине цветах сочеталось с представлением о решетке сада, возле которой он любил гулять. Получилась таким образом ложь, хотя ребёнок и не думал лгать.

Пока такого рода факты касаются только детей и не задевают никого из посторонних, то они представляют лишь предмет психологического исследования; но случается, что указанная черта детства бывает причиной весьма сложных и печальных историй, вызывающих не только психологическое, но и судебное расследование, именно когда дети, перемешав различные классы своих представлений, неправильно обвиняют кого-либо в совершении преступления, искренно веря своему обвинению. Подобные судебные процессы бывали не один раз, и чтобы распутать такое обвинение, приходилось употреблять весьма большие усилия и хлопоты*.

* Несколько таких случаев проанализировано нами в ст. “Вымысел и действительность”. См.: Воспитание и обучение, 1892 № 7–8

Наконец, последний вид мнимой детской лжи есть выдумки и фантазии детей в играх. В играх дети очень много сочиняют и сочинённое выдают за действительное: измышляют никогда не существовавших лиц, длинные ряды событий и приключений с ними, создают соответствующую обстановку, ведут от имени измышлённых лиц продолжительные разговоры, и т.д. В этом случае в противоположность другим, ранее приведённым, дети очень хорошо сознают, что они выдумывают, что в действительности ничего такого нет и не было; но они не желают никого вводить в заблуждение. На вопросы: да разве это возможно? Да разве это правда? — дети прямо отвечают, что они только играют и очень хорошо понимают фактическую несостоятельность своих измышлений. Следовательно, в детских измышлениях при игре нужно видеть не ложь, а упражнение в творчестве, работу

детской фантазии, подобную работе беллетриста.

НАСТОЯЩАЯ ЛОЖЬ

Первая ступень лживости

Почему дети лгут сознательно, намеренно? Каков источник детской лжи?

Ложь, как выражающая состояние раздвоения, дисгармонии в человеке, неприятна. Чем цельнее, искреннее, чище в нравственном отношении человек, тем неприятнее для него ложь. Если же тем не менее дети лгут, то, очевидно, удовольствие, доставляемое им ложью, приобретаемое с её помощью, гораздо больше той неприятности, которая возникает от состояния раздвоенности. Удовольствие от лжи с лихвой покрывает неудовольствие от неё. Поэтому дитя лжёт; а если бы было не так, т.е. если бы удовольствие от лжи было менее неудовольствия от неё, то ложь была бы невозможна и не существовала бы.

Присматриваясь к самым первым случаям детской лжи, мы постоянно встречаем одно и то же явление: ребёнок испытывает какое-либо удовольствие, ему воспрещается это удовольствие; желая продолжить его, ребёнок пользуется запретным плодом тайком, при отсутствии надзора со стороны взрослых. На вопрос: пользовался ли он воспрещённым удовольствием, ребёнок, опасаясь лишиться приятного состояния в будущем, отвечает отрицательно, т.е. лжёт.

Вот что рассказывает одна мать (г-жа Свентицкая) в ведённом ею дневнике о первой лжи её девочки, случившейся на третьем году жизни. “Дала я ей крендель и сказала, что им можно только играть, а есть нельзя. Сначала она действительно только играла им, а потом стала есть. Я отняла крендель, она заплакала и стала просить назад, уверяя, что есть больше не будет. Я отдала. Вскоре я заметила, что девочка как-то украдкой поглядывает на меня и старается запрятаться в угол. Я перестала смотреть на неё, и когда, несколько минут спустя, взглянула, она стояла в углу лицом к стене и ела крендель. Я подозвала её и спросила: “Ела крендель?” — “Нет”. Я спрашивала несколько раз, уговаривала и просила сказать правду; она продолжала говорить: “Нет, не ела”. “А как ты ела крендель?” — спросила я. — “Вот так”. — “Так ты его ела?” — “Да”. “Этот случай меня удивил и очень огорчил. Откуда явилась ложь?”* Нас этот случай детской лжи несколько не удивляет, — источник её слишком ясен. Мать, может быть и не намеренно, произвела нравственный эксперимент над своей маленькой дочкой, обставив его весьма соблазнительно для ребёнка. Она дала ребёнку играть — какую же игрушку? Крендель. Но ведь кренделями не играют, кренделя едят. Превращение кренделя в игрушку было явным соблазном для девочки. Мать прямо искушала добродетель девочки: вот тебе съедобная вкусная вещь: играй ею, смотри на неё, но зубам воли не давай. Если ребёнок был несколько голоден, то устоять в добродетели ему было крайне трудно; если же он был сыт, то мать поддразнила его своим запретом: играть — играй, а есть — не ешь.

* Воспитание и обучение, 1892 № 7-8

Мы несколько остановились на этом случае первой лжи девочки, потому что он показывает, что иногда сами родители если не побуждают детей ко лжи, то создают для неё благоприятные случаи своим, не совсем правильным, отношением к детям. Нужно помнить, что от детей нельзя требовать какого-либо нравственного совершенства, что как малы их силы физические, так равно малы и их духовные, нравственные силы. Искушать дитя в видах развития его стойкости в добре если и можно, то с большою осторожностью, испытание должно быть строго соразмерено с наличными силами, чего мы в исследованном случае не находим.

Другие случаи первоначальной детской лжи такого же характера, все они возникают из стремления продолжить какое-либо запрещённое удовольствие, попользоваться сладким запретным плодом. Плод этот весьма разнообразен, но вообще представляет какое-либо

удовольствие, приятно действующее на вкус, осязание, зрение, слух, вообще дающее приятное внешнее возбуждение. Пэрэ рассказывает, что один двухлетний мальчик забавлялся приготовлением смеси из золы и слюны. Отец заметил это и запретил продолжение забавы. Мальчик был опечален таким запрещением. Он посмотрел в глаза отцу и спросил: “Скажи, папаша, когда ты уйдёшь?” У отца в это время на голове была шляпа, под мышкою зонтик, и вообще отец готов был уйти. “Зачем ты меня спрашиваешь? Верно, опять хочешь начать свою пачкатню?” — “Да, папаша”.

Все приведённые случаи детской лжи однородны, все они имеют своей побудительной причиной стремление ребёнка пользоваться запрещённым ему удовольствием. Так как удовольствие ему запрещено, то он пользуется им тайно и таким образом, фактически лжёт своим родителям; а если они вздумают его спросить: пользовался ли он в их отсутствие запретным плодом, то он фактическую ложь подтвердит и словесною ложью, отрицая то, что сделано им очень недавно.

Это первая ступень детской лживости, первоначальная ложь. Она очень проста, груба, шита белыми нитками и заключается в прямом отрицании легко устанавливаемого факта. Ума, искусства в ней нет. Такая ложь есть удел малых детей, открыть её и обличить весьма не трудно. Наблюдательная няня легко разберёт её. Дальнейшее своё развитие и более сложные формы детская ложь получает под влиянием страха и увеличивающейся сообразительности дитяти.

Вторая ступень лживости

К сожалению, чувство страха есть одно из главнейших оснований современного воспитания. В семье дитя боится родителей и старших членов, в школе боится учителей и начальства; кроме того, боится темноты, зверей, воды, кладбища и мёртвых, разных выдуманных сказочных существ. Ими его пугают, пугают наказаниями родителей, школьными взысканиями. Дитя трепещет, оно — частая и лёгкая добыча страха; что ни шаг, то кого-нибудь и чего-нибудь да боится.

Страх — неприятное, тяжёлое чувство. Оно заключается в предвкушении будущего страдания, и это предвкушение нередко бывает более мучительным состоянием, чем самое настоящее страдание. А между тем все живые существа стараются избежать угрожающих им страданий всякими способами — таков закон природы. Дети также. Одно из средств избавиться от страдания — ложь. “Ложь — конь во спасение”. Развитие лживости в детях прямо пропорционально степени страха, возбуждаемого взрослыми, количеству суровости наказаний, которыми они угрожают детям. Нигде дети столько не лгут, как в семьях, в которых суровая строгость служит основой воспитания. Чем жесточе и обильнее наказание, тем больше совершенно органического стремления увернуться от него, схитрить, солгать и тем спасти свою шкуру. Голод, как известно, научает калачи есть; страх изощряет ум во лжи.

Одна наблюдательница, г-жа Цебрикова, сообщает, что один добрый, неглупый и строгой честности человек, сильно сломанный жизнью, женился на куколке, пленившей его своей красотой и простодушием. Куколка имела свой идеал мужа — любезного кавалера, не знающего другой цели в жизни, как веселить жену. Обманувшись в своих надеждах, она стала бояться мужа, хотя тот не делал никаких сцен, не стеснял её, насколько позволяли средства, но только хмурился и молчал. Она передала свой страх детям, которые, ещё не умея говорить, понимали, что появление отца пугает мать. Каждый, видевший в первый раз эту семью, мог думать, что отец страшный деспот и тиран. Чуть раздавались его шаги, детская болтовня смолкала, детские занятия, игры, если в них было что-либо необычное, прекращались, хотя бы сами по себе они были совершенно невинны. Между матерью и детьми установился невысказанный, но неизменно соблюдавшийся договор — скрывать всё от отца, обманывать его на каждом шагу. “Ты пел, Ваня?” — спросит его отец. Голос его мягок, а лицо, как всегда, серьёзно и с оттенком печали. Ваня начинает божиться и клясться, что не пел, а папе послышалось, или пел кто-нибудь на улице. Отец

начинает уговаривать его, а Ваня, видя перепуганное лицо матери, разразится таким отчаянным плачем, как будто его собираются резать. Человеку, присмотревшемуся к семье, страх детей перед отцом и система организованной лжи, опутывавшей и его, и детей, казались совершенно необъяснимыми.

Эти дикие и нелепые отношения изменились, благодаря десятилетнему ребёнку. Из деревни привезли племянника отца в гимназию, а жить мальчик остался у дяди. Он был лет на пять и более старше детей дяди и, конечно, стал для них авторитетом. Мальчик был живой и бойкий, вообще не трусливого десятка; а сверх того, по исконному обычаю всех детей пробовать старших он с первых дней начал проделывать с дядей шутки, приводившие в ужас детей. Дядя отнёсся к шуткам очень добродушно, ограничивая их, когда они заходили чересчур далеко, и дети мало-помалу убедились, что отец вовсе не страшилище. Пример двоюродного брата подзадоривал их на шалости и на откровенное сознание в них. “Ну, чего вы трусите?” — говорил им их авторитет, а года через два пятилетняя крошка заметила матери: “Ну, чего ты всё трусишь папы? Он добрый”. Пропал у детей страх, исчезла и ложь, так огорчавшая отца и с которой он никак не мог прежде справиться.

Чтобы воочию наблюдать, какую уйму детской лжи порождает страх, нужно разыскать семью, в которой страх — основа воспитания, и школу, также утвердившую свои порядки на страхе. И то, и другое найти нетрудно. Из такой семьи дети посещают так же организованную школу. Получается груда систематической и утончённой лжи: в семье дети лгут про школу, выдумывая небылицы про учителей и начальство, а в школе лгут на семью, рассказывая о её небывалых требованиях и порядках. Дети купаются в двух потоках лжи и им, кажется, совсем не остаётся времени, чтобы быть самими собой, истинными, а не поддельными детьми.

Конечно, такая сложная и систематическая ложь требует некоторой доли ума, сметливости, находчивости, выдержки. Ребёнок тупой и недогадливый не может долго выдержать такой сети лжи, она у него сразу прорвётся в нескольких местах. А опытные, смелые и умелые лгуны тянут свой обман месяцами и даже годами, причём идут на подделку документов, на фабрикации ложных свидетельств, отпусков, отметок и пр. Без ума и значительной ловкости врать много и правдоподобно нельзя, поэтому широкое развитие лживости в дитяте непременно предполагает немалую ступень умственного развития.

Когда под влиянием страха человек выдумывает какую-либо ложь, хотя бы искусную и тонкую, тогда его задача собственно проста. Вопрос поставлен прямо и решительно и нужно так или иначе разрешить его. Совсем другое дело, когда вопрос не стоит так прямо, когда к человеку надобно подойти осторожно, издали, опутать его целою сетью разнообразной лжи и в заключение извлечь из него нужную личную пользу. Такое поведение требует большой проницательности, тонкого распознавания людей, громадной выдержки. Это достигается подлаживанием к личностям, мнимым увлечениям их взглядами, убеждениями, сочувствием к их слабостям, превознесением их достоинств и заслуг и т.п. Подлаживание составляет третью ступень в развитии детской лживости.

Третья ступень лживости

Подлаживание есть один из основных источников лжи взрослых. Едва ли нужно говорить о том, как часто в жизни встречается этот вид лжи. Карьера очень многих людей основывается на подлаживании: иной человек только то и делает, что приспособляется то к одному начальству, то к другому, то к такому влиятельному лицу или направлению, или органу, то к другому. Таких-то подлаживающихся и приспособляющихся и имеет в виду пословица, когда говорит, что “ласковое теля двух маток сосёт”.

У детей этот источник лжи также встречается и притом в весьма различных формах: самых простых и весьма сложных. Когда ребёнок, попавшийся на пользовании запретным удовольствием, под влиянием укоров говорит: “бо не бу”, т.е. больше не буду, то тут он даёт обещание прилаживаться. Собственно запрещение удовольствия он признаёт актом неблагоприятным и даже нелепым, но так как взрослый поддерживает своё запрещение

разными неприятными мерами, то ребёнок, внутренне не убеждённый в целесообразности действий взрослого, обещает подладиться к нему и не нарушать запрещения. Двухлетнего ребёнка застали на месте преступления: спрятавшись за шкаф, он ел ложкой варенье из банок. “Федюша! И тебе не стыдно?” — “Нет”. — “А когда же тебе будет стыдно?” — “Завтра”. Затем отдал ложку и ушёл совершенно спокойно и равнодушно. Очевидно, процесс подлаживания у Федюши был ещё очень слаб.

С возрастом этот процесс усиливается, выражаясь то в более грубых, то в более утончённых формах. Одного мальчика, вернувшегося из поездки домой, мать спросила: “Кому ты больше всех обрадовался из домашних?” Мальчик довольно долго подумал, а потом ответил: “Насте и Любе” (его сестры). Случившаяся тут знакомая восьмилетняя девочка воскликнула: “Ах, какой ты, Миша! Надо больше всех обрадоваться дедушке и бабушке, а не сестрицам!”.

Каждый, конечно, наблюдал, что дети подлаживаются под тон и вкусы родителей: повторяют их суждения и взгляды, как бы от себя интересуются как бы искренно тем, чем интересуются родители, словом, с небольшими изменениями копируют своих родителей, не в силу подражания, не искренно, увлекаясь родительскими взглядами и интересами, а фальшиво, нарочно, с целью обмануть родителей и добиться от них одобрения или какой-либо выгоды. Нередко дети льстят родителям, играют на их слабых струнках; чтобы получить желаемое удовольствие, ласкаются к ним, говорят: какая ты, мама, добрая, красивая и т.п., и далеко не всегда искренно.

Словом, ложь от подлаживания есть ложь политическая, а политика, как известно, искусство многоумное. Но зато между детьми можно отыскать своего рода Маккиавели и Бисмарков.

К этой же ступени развития лживости следует отнести и ложь преимущественно интеллектуального характера и интереса, когда она задумывается и выполняется не ради какой-либо более или менее существенной выгоды, как то бывает при подлаживании, а ради теоретического эффекта, простого, собственно бескорыстного, стремления ввести в обман других, одурачить их и в то же время блеснуть своим остроумием и изобретательностью. В этой лжи сравнительно мало эгоизма, но много теоретического творчества, выдумки, находчивости.

Вот в пояснение этого вида лжи факт. В 1886 году в Париже, в квартале la Chapelle произошло большое волнение умов вследствие болтовни 8-летней девочки, Берты, посещавшей школу. Она рассказывала своим подругам, что её отец, поденщик, 5—6 дней тому назад принёс к себе домой труп, таскал его затем по улицам и бросил в канал, а она со свечой в руках шла впереди и светила отцу. Скоро эта история облетела весь квартал; слухи дошли до полиции и было наряжено следствие. При расследовании этого дела обнаружилась выдумка девочки, так как на вопросы полицейского комиссара она лукаво отвечала, что выдумала историю с трупом, чтобы одурачить своих глупых подруг, и что когда она говорила о трупе, то, разумела труп собаки, а не человека. Таким образом, шустрой девочке удалось одурачить не только подруг, но и взрослых своих родственников, весь околоток и даже полицию.

По обилию интеллектуальных элементов этот теоретический вид лжи не уступит лжи практической, возникающей при подлаживании. У взрослых этот вид лжи выражается, между прочим, хвастовством; у детей также встречается хвастовство, но у них чаще теоретическая ложь есть результат простой погони за мимолётным эффектом. Взволновать, напугать, смутить, обмануть и поставить в тупик — вот к чему стремится маленький лжец-теоретик. Но, конечно, и у них их я нередко занимает более видное место в теоретической лжи, когда детское самолюбие задевается чувствительно. Тогда дитя начинает отчаянно лгать, несмотря на частые изобличения: оно уверяет, что читало такую-то книгу, знакомо с тем-то, видело то-то. Оно само замечает, что дело плохо, верят мало, и лжёт не совсем охотно; но подстрекнутое самолюбие не позволяет ограничиться рамками действительности, и дитя постоянно переходит её. Хотя на минуту оно ослепит других, под-

держит себя, привлечёт к себе всеобщее внимание и похвалу, а там, когда расследуют дело, будь что будет, может быть, провал с треском, а может быть, и не расследуют, не заметят лжи, и дело как-нибудь обойдётся.

Четвертая ступень лживости

Высшую ступень детской лживости составляют притворные детские болезни, когда дети, будучи совершенно здоровыми, притворяются страдающими разными болезнями для достижения какой-либо, им желательной, цели.

Трудно точно определить, как часто между детьми встречается рассматриваемое явление. Во всяком случае оно не редкость, его наблюдают очень часто. Врачи, обращавшие специальное внимание на этот предмет, утверждают, что притворные детские болезни можно наблюдать ежедневно, особенно у городских детей. Деревенские дети менее подвержены притворству, у них нет к тому ни достаточно сильных побуждений, ни соответствующих наблюдений, ни искусства. Городская жизнь с её сложными условиями и множеством разнообразных, манящих и раздражающих детей, впечатлений — удобная почва для всякого рода комедиантских действий детей, в частности и для изображения из себя мнимобольного.

Возраст, с которого дети начинают притворяться больными, по-видимому, не может быть особенно ранним, так как для сносного изображения себя больным требуются многие условия: соответствующие отчётливые и правильные наблюдения течения болезни, её внешних проявлений, значительная выдержка в игрании роли, что часто соединяется с терпеливым перенесением разных неприятностей, и, наконец, некоторая доля актёрского таланта. Поэтому до 5—6 лет мнимобольных между детьми почти совсем не встречается, хотя отдельные случаи притворства наблюдались и за четырехлетними. Наиболее часто притворные детские болезни встречаются в возрасте от 11 до 15 лет, с 15 же лет их число значительно уменьшается*.

* Случай притворной болезни в четыре года был с девочкой. Девочка была очень живая, бойкая и ловкая. Особенными дурными качествами она не отличалась, хотя и была несколько испорчена. Чтобы поугадать свою мать, очень впечатлительную особу, она не раз пряталась. Девочку никогда не наказывали. Притворство девочки заключалось в том, что она без видимой причины падала на пол и оставалась без движения минут пять. Конечно, все собирались с тревогой около неё, а девочка по прошествии некоторого времени громко смеялась. Такой фокус девочка проделала с успехом два раза. После второго раза её порядком наказали, и с того времени девочка более не проделывала этой шутки.

Кто более склонен изображать из себя мнимобольного — мальчики или девочки? Кажется, пальма первенства в этом случае принадлежит девочкам. Некоторые наблюдатели признают их более склонными к притворству и ко лжи, нежели мальчиков. Французский исследователь Дюфестель говорит, что он наблюдал 79 случаев притворных детских болезней; из них на долю девочек пришлось 49, а на долю мальчиков 30 случаев. Другой исследователь, изучивший 14 случаев детских притворных болезней, между мальчиками нашёл только два случая, все же прочие приходились на долю девочек. Конечно, эта статистика крайне скудна, но она не в пользу девочек.

Притворные детские болезни весьма разнообразны, их список длинен. Дети притворяются страдающими головными болями, нервным, умственным расстройством (не много случаев), расстройством зрения, косоглазием, болезнями слуха, потерю голоса, немотой, хромотой, икотой, рвотой, эпилепсией, болезнями кожи и т.д. Степень искусства, обнаруживаемого детьми в притворных болезнях, весьма различна. Очень часто притворство бывает весьма поверхностным и грубым, так что вводит в обман лишь незнакомых с медициною лиц, например, родителей, причиняя им серьёзное беспокойство; врач же очень скоро и легко распознаёт притворную болезнь и, конечно, быстро её излечивает. Но не редки случаи, когда дитя притворяется настолько искусно, что обманывает врача, который и принимает мнимобольного за истинно страдающего. И этот обман происходит не в те-

чение одного дня, одного или двух визитов, но в течение целых недель, а иногда и месяцев, так что врач становится совершенно в тупик: болезнь такая-то, а некоторых характеризующих её признаков нет. А бывает и так, что мнимобольной попадает в больницу, подвергается наблюдению и исследованию целого синклита врачей и обманывает целую больницу. Иногда врачи разделяются на два лагеря: одни утверждают, что данное лицо мнимобольное, а другие — что это самый настоященный больной. Большого искусства от детей в притворстве, если они обманывают целый синклит врачей, и требовать нельзя; они оказываются очень хорошими актёрами.

Девочка восьми лет притворилась немой и в течение пяти месяцев не сказала ни слова. Все её товарки и подруги крайне сожалели о её несчастье. По доставлении её в больницу осматривавший мнимобольную доктор, найдя её совершенно здоровой, не встречая признаков, которыми сопровождается немота, заподозрил девочку в притворстве, но старался сначала отогнать от себя эту мысль, так как девочка целые пять месяцев не сказала ни одного слова. Дальнейшие наблюдения, однако, убедили врача в справедливости его предложения, и ему удалось изобличить девочку, т.е. заставить её говорить. Мальчик, также притворявшийся немой, не говорил в течение девяти месяцев, хотя и находился постоянно в обществе детей и взрослых.

Конечно, далеко не все притворщики могут так долго выдерживать своё притворство, другие бросают комедийное действие ранее. Один набалованный уступчивостью родителей мальчик не хотел ходить в школу и очень возмущался тем, что родители ему не разрешали этого. Вследствие этого он начал обнаруживать сильную раздражительность и упрямство, а потом буйство и неистовство. Сначала эти припадки заключались в том, что он вскакивал с постели, бросался на колени перед гувернанткой, обвивал её шею руками, плакал, заикался во время разговора и наконец падал в изнеможении в постель, прося воды и говоря, что теперь припадок кончился. Со временем приступы изменились. Однажды, после хорошо проведённой ночи и после утреннего чая, мальчик начал прыгать с бешенством по комнате и сбрасывать на пол всё, что было на столах, стульях и постели. Когда мать прибежала в комнату, он начал её кусать, бить, щипать и вскарабкался на комод. Когда вбежал отец, мальчик вскочил последнему на плечи, затем бросился на пол и снова начал метаться по комнате, держась одной рукой за грудь и другой за голову. Припадок продолжался до 8 часов вечера, когда мальчик упал в изнеможении и заснул. Приглашённый врач объявил, что ребёнок сошёл с ума. В следующие дни припадки не ослабевали, и при этом он бранил свою мать непозволительными словами, рвал на ней платье, кусал и кричал так неистово, что слышно было в соседних домах. Измученные родители решили наконец отвезти его в больницу для умалишённых. Как только мальчик убедился, что это не угрозы, все неистовство исчезло, он сознался, что притворялся, обещал больше этого не делать, действительно сделался здоровым и снова начал посещать школу.

Каковы причины притворных детских болезней? Они обыкновенно заключаются в желании доставить себе какое-либо удовольствие, пользоваться услугами и вниманием окружающих и избежать страдания, неудовольствия, неприятной работы. Четырёхлетней девочке нравилось пугать свою мать притворной болезнью, ей приятна была суетня возле неё и ради неё, и она притворялась больной. Дети часто притворяются больными, чтобы получить какую-либо вещь, хотя во временное пользование, например, понравившуюся игрушку: школьники часто разыгрывают роль больных, чтобы освободиться от трудного или скучного урока, чтобы в лазарете полениться, отдохнуть и т.п.

Есть специалисты-притворщики между детьми, которые притворяются больными не для достижения какой-либо частной приятной цели, но обманывают ради удовольствия самого обмана. Для них ложь и притворство приятны сами по себе. Это самые опасные обманщики и притворщики, так как они выдерживают приятную роль в высшей степени настойчиво и последовательно; они очень отважны, не задумываются над обманами весьма сложного и тонкого характера. Изобличить таких притворщиков трудно, они ведут своё дело искусно, ловко избегая всяких противоречий и расставленных им ловушек. Они

так глубоко входят в свою роль, выполняют её с такою искренностью, что забываются сами, и ложь у них доходит до высоты истины. Раздвоения сознания, порождаемого обыкновенно ложью, у них нет; у них, как и у не лгущих, мир и тишина в душе, единство настроения; это маленькие Хлестаковы. Появление таких субъектов подготавливается действием многих и сложных причин, главнейшая между которыми заключается в соответственных наследственных предрасположениях и воспитании.

Подводя итог указанным причинам детской лжи, мы можем сказать, что она истекает из одного общего источника: стремления доставить себе удовольствия, нередко воспрещённые, и избежать страдания. Ложь из страха, ложь от прилаживания себя к окружающим, из-за погони за эффектом, притворные детские болезни — все эти виды и ступени лжи имеют своей целью доставить лжецу побольше удовольствий и избавить его от страданий. Поэтому мы не будем говорить отдельно о некоторых частных видах детской лжи, представляющей лишь простое видоизменение основной причины и не заключающей в себе по существу ничего нового ни с психологической, ни с педагогической стороны. Такова, например, ложь, возникающая от лени усвоения. Дитяте лень тщательно наблюдать, различать, усвоить, лень, неприятно работать — и оно допускает усвоение сбивчивое, спешное, небрежное, путаное, а отсюда ложь в передаче. Дитя сознает, что дело тут не ладно, но боится аккуратной работы. Точно так же ложь из мести, злобы, злорадства, клевета и т.п. не представляют чего-либо своеобразного и особенного по своей природе сравнительно с видами лжи, охарактеризованными ранее.

Переходим к педагогической стороне вопроса — к обсуждению средств борьбы с детской ложью.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА С ДЕТСКОЙ ЛОЖЬЮ

А

Средства борьбы с детской ложью определяются причинами её возникновения и развития.

Что касается детской лжи, то для искоренения её не требуется каких-то спешных мероприятий. Этот вид лжи исчезнет сам собой вместе с общим развитием и ростом дитяти. Всё дело воспитателей в данном случае будет состоять в том, чтобы помогать правильному всестороннему развитию дитяти, усвоению им чистой связной речи, укреплению точной, по возможности, и беспристрастной наблюдательности, хорошему различению разных групп представлений. Как скоро такие заботы будут применены к дитяте, то не намеренная, не сознательная ложь понемножку исчезнет сама собою.

Иное дело ложь сознательная, намеренная. Сама собой она не пройдёт, с ней нужно бороться. Как?

Ложь возникает вследствие желания продолжить или повторить какое-либо запрещённое удовольствие. Поэтому самая решительная мера против лжи есть воздержание от каких бы то ни было запрещений, предоставление полной и безусловной свободы детям. Тогда у детей не было бы ни малейшего повода лгать. Но такая свобода не может быть предоставлена детям: вследствие непонимания окружающих явлений, дитя, не сдерживаемое никакими запрещениями, причинит большой вред и себе, и другим: оно легко может упасть, поранить себя, испортить себе зрение, обжечься и т.д., разбить драгоценное произведение искусства, изорвать очень ценную книгу, уронить хрупкую нужную вещь и т.п. В период неразумия детей необходимо руководить ими и вместе налагать запрещения на некоторые их действия. Запрещения влекут за собой нарушения их и ложь. Следовательно, нужно изыскивать меры против лжи, исходя из мысли о неизбежности запрещений.

Первое, на что в этом случае приходится обратить внимание, — это необходимость значительного уменьшения числа запрещений, обыкновенно налагаемых на детей. Поряд-

док жизни должен быть строго рассчитан применительно к потребностям ребёнка, так чтобы не было серьёзных поводов к недовольству им: все органические потребности дитяти должны быть своевременно и сполна удовлетворяемы. Дитя, таким образом, будет чувствовать себя в детской довольным, весёлым и свободным, запрещения не будут тяготить над ним, задерживая его движения.

На самом деле бывает не так: запрещения делаются слишком легко и щедро. Запрещая что-либо дитяте, родители предварительно не обдумывают запрещения по существу. Запрещения налагаются обыкновенно по частным поводам и обстоятельствам, последствия запрещения не предусматриваются и не взвешиваются. Между тем при каждом поводе, вызывающем запрещение, нужно тщательно обдумать: нельзя ли обойтись без него? Запрещение есть неизбежное педагогическое зло, которого чем меньше, тем лучше. Чем больше запрещений, тем больше нарушений запрещений, тем больше лжи. Нужно помнить, что ваша цель — воспитать человека самостоятельного, искреннего, с собственным почином, а не лукавого исполнителя приказаний, постоянно готового увильнуть от ответственности, ссылаясь на давление со стороны. На детей же, ради удобства взрослых, обрушивается целая уйма запрещений, по крайней мере, раз в 20 больше следующего. Распространяться об этом известном явлении нет нужды.

Запрещения даны, хотя бы в самом малом числе. Нужно ждать их нарушения и, как средства сокрытия преступления, лжи. Что тут делать? Нужно, прежде всего, соблюдать два общих требования от всех, по возможности, запрещений: чтобы цель их, т.е. смысл, была понятна детям и чтобы запрещения отличались постоянством. Смысл всяких запрещений и вообще приказаний непременно нужно объяснять: воспитывают разумное существо не по началам военной дисциплины. Если нельзя объяснить смысла запрещения сполна, то нужно объяснить его хотя бы приблизительно, применительно к возрасту и разумению дитяти. Второе свойство запрещений — постоянство — понятно: изо дня в день следующие запрещения и их отмены самая губительная вещь для правильного развития воли и характера дитяти. Если запрещение даётся после зрелого обдумывания, то оно не может быть скоро отменено.

Ложь, заметили мы, как состояние раздвоенности, неприятна детям и на первых порах они чувствуют эту неприятность очень живо. Девочка трёх-четырёх лет находила частое употребление зубной щётки очень скучным, и однажды, когда мать спросила её, чистила ли она зубы, ответила “да”, хотя это была неправда. Мать, по обыкновению, поверила ей, но совесть сейчас же упрекнула девочку в том, что она обманула доверие матери, и она немедленно побежала в свою комнату, чтобы исполнить обязанность, которая была ей так неприятна. После этого злоупотребления материнским доверием девочка всегда его заслуживала.

Вот этого-то червячка, шевелящегося в детской душе при каждой лжи и обмане, и не нужно усыплять; напротив, его нужно возбуждать, беспокоить. Мы не то разумеем, что, замечая нелады в детской душе, подвергать ребёнка длинному инквизиторскому допросу и читать назидание о непохвальности лжи и обмана, а то, чтобы мягко и осторожно выяснять причины детской тревоги и напряжённого состояния и любвеобильно и кротко приходить к нему на помощь.

Особенно чуткими, пронизательными и в то же время мягкими и нежными следует быть взрослым в отношениях к детям в случаях маленьких нравственных кризисов, сильных искушений, предстоящих детям. Ребёнку нравится чужая вещь и он страстно желает приобрести её; ему очень хочется пойти гулять туда, куда его не пускают; ему предстоит неприятная и несколько утомительная работа. *Caveant consules!* Родители и воспитатели, будьте на страже, не спускайте с ребёнка глаз. В вашем дитяте неизбежно возникнет борьба между обязанностью, долгом и удовольствием, оно будет колебаться, мучиться. Поддержите дитя, не оставьте его в этот роковой критический момент, не будьте безучастными, холодными зрителями в начавшейся борьбе. Борьба и всё дело вам могут показаться мелкими, ничтожными, но для малых, слабых детских сил они велики. Войдите в

положение дитяти, обласкайте его, облегчите горечь отказа от манящего соблазнительного удовольствия, утешьте и подкрепите его силы обращением внимания на приятность победы над препятствием, на силу и святость своего обещания, на возможность смотреть открыто и смело в глаза матери и отцу, так как ничего тайного и постыдного не сделано.

Повторяем: нужно поддерживать неприятное чувство детей при первых опытах лжи, а потому быть осмотрительными в тех случаях, когда дети близки к лжи, но ещё прямо не лгут. Мы разумеем случаи детской хитрости, нередко остроумные и вызывающее одобрение родителей, между тем как это дело довольно опасное для правдивости ребёнка. Одна мать (Свентицкая) сообщает в своем дневнике: девочка моя, по третьему году, хитрит. Ей не позволено быть в той комнате, в которой мы обедаем или чай пьем, а ей хочется. Что же она делает? Она входит в комнату и заявляет: “Я пришла маму поцеловать”. Поцелует, а в это время быстро оглядит весь стол и всё, что на нём, и уйдёт. Минуты через три является опять и кричит: “А папу-то и забыла поцеловать!” Затем ещё приходит иногда поцеловать “щёчку”, потом “забыла другую” и т.д., пока не выгонишь.

Эта детская лукавость есть шаг ко лжи, это такая наклонная плоскость, по которой чрезвычайно легко скатиться к прямому настоящему обману и настоящей лжи. Дитяте запрещено известное действие, а оно его нарушает, нарушает прямо и решительно, только прикрываясь более или менее остроумным предлогом. Само дитя очень хорошо знает, что это только предлог, и родители хорошо это знают, а между тем допускают нарушение запрещения. Тогда нечего уже и запрещать. Притом и ложь может быть благовидна, прилична, лгун может быть формально правым.

Дальнейший шаг к формальной лжи делают дети тогда, когда они фактически нарушают запрещение, обманывают родителей и воспитателей, но не говорят об этом сами, а родители, не зная о нарушении запрещения, не спрашивают о нём дитя. В таких случаях есть фактическая ложь, но ещё нет лжи словесной. Может быть, её и не будет совсем, может быть, у дитяти не хватит духу открыто, в глаза, солгать родителям, когда они спросят об этом. Есть разница в положении: ложь фактическая с умалчиванием о содеянном, и ложь словесная, заключающаяся в решительном отрицании факта. Вторая ложь сильнее, полнее и бессовестнее первой; первая ложь свидетельствует за присутствие чувства стыдливости, неловкости от содеянного преступления, за нежелание говорить и вспоминать о том, что было.

Весьма полезно было бы родителям обращать тщательное внимание на такое состояние детей, на фактически обман родителей, при нежелании закрепить его ложью на словах, т.е. отрицанием факта. Не нужно ловить дитя в таких случаях на его недомолвках, путанице, не нужно вынуждать полного и отчётливого изложения дела. Червячок ещё шевелится в глубине детского сознания, внутреннее недовольство фактической ложью есть. Нужно пощадить дитя, нужно нежно дотронуться до его взволнованного чувства, не усиливать горечи состояния, не бередить раны. Доверие не должно быть отнято от дитяти, и родители пусть одобряют дитя за то, что оно, нарушив приказание, не решилось лгать.

Как скоро что-либо запрещено дитяте, необходимо тщательно следить, чтобы запрещение исполнялось. Если дитя будет лгать, нужно вскрывать его ложь и предупреждать пользование её результатами. Для чего дитя начинает лгать? Для того, чтобы доставить себе запрещённое удовольствие. Если сделать так, что ложь не приведёт к цели — получении удовольствия, то стремление лгать пропадёт. Зачем же лгать бесцельно? Нет причин. Но вся беда в том, что ложь очень часто совершается после пользования запрещённым удовольствием, для сокрытия этого незаконного пользования. Следовательно, нельзя предупредить удовольствие, получаемое посредством лжи. Конечно, раз удовольствие получено, его вернуть невозможно: но если ложь обнаруживается, то это даёт воспитателю возможность принять меры против получения дитятей запрещённого удовольствия на будущее время. Нужно будет усвоить настойчивость на выполнение дитятей нарушенного запрещения и бдительность по наблюдению за выполнением его. Отнять у дитяти плоды лжи — дело чрезвычайной важности, так как этим мы обессилим ложь в самом корне.

Отнятие плодов лжи в деле борьбы с нею гораздо важнее, нежели строгие меры, увещания, теоретические разъяснения вреда лжи и т.п. Если мы сделаем ложь бесполезной для детей, то детям не для чего будет лгать. В отношении к детской лжи нужно держаться того золотого правила, которое рекомендует баснописец по отношению к собаке, воровавшей из кухни куски:

— Её ты меньше бей,

— А краденый кусок ты отнимай у ней.

Б

Развитие детской лжи обуславливается, главным образом, страхом. Следовательно, если мы желаем воспрепятствовать развитию детской лжи, то должны уменьшить детский страх, а ещё лучше совсем изгнать его из воспитания. Но можно ли обойтись при воспитании детей без страха?

Воспитание без устрашения, конечно, вполне возможно. Летурно в своей книге “Эволюция воспитания” сообщает, что арабы воспитывают своих лошадей без побоев, лаской... и получают прекраснейшие результаты; что между дикими племенами есть такие, которые никогда не наказывают своих детей,— и их дети вырастают нисколько не хуже много битых. А воспитывать без побоев, лаской, и значит изгнать из воспитания страх.

Труднее обходиться без мотива устрашения при общественном школьном воспитании, чем при семейном. В школе собирается очень много детей совершенно различных, преподавателям и воспитателям совершенно неизвестных. Учебно-воспитательный персонал школ обыкновенно мал по сравнению с числом учащихся; сердечных отношений, душевной теплоты между учащими и учащимися нет. При таких условиях учителям и воспитателям трудно удержаться от мотива страха в большей или меньшей мере, в той или другой форме.

Совсем иные условия представляет семья. Воспитывающихся в ней очень мало, они постоянно на глазах, каждый шаг их, каждое душевное движение известны; отношения взрослых к детям проникнуты любовью, самым сердечным участием. Родители всегда готовы даже приносить большие или меньшие жертвы ради своих детей. К чему же здесь страх? Очевидно, он в семейном воспитании есть результат какого-то недоразумения.

Главная причина применения чувства страха в семейном воспитании заключается в удобстве и лёгкости этого средства для воспитателей. Запретить, пригрозить наказанием за нарушение запрещения и наказать — это так просто и легко. Разумное воспитание детей в семье требует значительной затраты сил, времени и предполагает знания и постоянное наблюдение детей. Воспитание посредством устрашения ничего этого не требует: пострадал и исполнил свою угрозу — вот и всё, ни времени не нужно много тратить, ни сил, ни знаний. Поколотить, высечь ребёнка — это доступно каждому взрослому, даже самому невежественному. Поэтому можно наблюдать, как у целых народов, так и в отдельных семьях, что, по мере образования, воспитание посредством страха сокращается всё более и более, заменяясь воспитанием посредством любви, доверия, уважения и знания. Ныне есть уже достаточное число семейств, в которых чувство страха, как воспитательное начало, не имеет применения в пределах семьи.

Одновременно с устранением чувства страха, как основы воспитания, воспитателям нужно заботиться ещё о развитии мужества и бодрости в детях. Дело в том, что дети, по слабости своих сил и недостаточности знаний об окружающих явлениях, легко становятся добычей страха. Если изгнать из воспитания страх как основу, то всё же останется много страшного для детей, что будет делать их вообще пугливыми, слабыми и вместе склонными к лжи. Лгун, по большей части, в каком-либо отношении слабый человек и лжёт по трусости, слабости, лени и т.п. Ложь есть спутник физической и нравственной слабости. Поэтому воспитание бодрости и мужества в ребёнке есть существенное средство против развития в нём лживости. При воспитании же бодрости нужно иметь в виду развитие физической силы и мужества гигиенической обстановкой и рядом соответствующих физи-

ческих упражнений и развитие нравственно-умственной силы и нравственного мужества. Физическая сила и энергия служат основой нравственной силы и нравственного мужества. Человек начинает жить преимущественно как физическое существо, и первые его страхи, первые радости и печали преимущественно физического характера. В играх с товарищами слабенький терпит от товарищей, в занятиях в разных упражнениях он будет уступать товарищам по недостатку физических сил. Всё это заложит основу в его душе для подавленного, приниженного настроения, недоверия к себе, зависти к товарищам и пугливости. А такое настроение и есть прямой источник лжи и враг мужества.

Что касается насаждения в детях нравственного мужества, то нужно сознаться, что заботы об этом весьма слабы в современных семьях. О знаниях детей заботятся много, особенно о знании языков; о детском здоровье хлопчут меньше, оно само собой придёт; о развитии нравственного мужества почти совсем не заботятся, даже плохо сознают потребность в нём, его важность для нравственного всестороннего развития детской личности. Это видно из того, что в семьях широко процветает и усердно поощряется свойство, прямо противоположное нравственному мужеству, именно — подлаживание к другим. Оно соединено с более или менее тонкою лестью к окружающим и потому нравится взрослым.

Та личина, которую дети, часто не отдавая себе в том отчёта, надевают на себя, как бы прирастает к ним и мешает правильному складу их собственной своеобразной духовной личности. В личность ребёнка властно входит другая, чуждая более или менее, личность, живёт в ней и действует. При таком положении дела, очевидно, не до нравственного мужества. Нравственное мужество и подлаживание — взаимно исключают друг друга.

При воспитании нравственного мужества в детях взрослые должны отказаться от того удовольствия, которое доставляет им подлаживание детей и, напротив, быть готовыми спокойно перенести те неприятности, которые можно испытать в подобных случаях. Дитя легко может заметить непоследовательность в родительских действиях, большее или меньшее отклонение их от тех начал, которые обыкновенно выставляются родителями; оно может заметить некоторое пристрастие и несправедливость родителей и других взрослых в отношении к различным лицам; оно может признавать неправильными разные суждения и мнения родителей. Дети весьма экспансивны. Замечая что-либо, по их мнению, неладное, они, если не боятся вызвать недовольство взрослых, прямо высказываются; не таят в себе затронувшее их впечатление. Очень часто на такие суждения детей родители отвечают выражением своего неудовольствия и нотацией не совать свой нос туда, куда не просят.

Как скоро дети замечают, что результатом их правдивости и чистосердечия бывает недовольствие родителей и даже, может быть, прямое лишение какого-либо обещанного или привычного удовольствия, они начинают скрывать, задерживать свои порывы чистосердечия и откровенной правдивости, начинают сначала говорить *да* и *нет*, когда нужно сказать *да*, а потом и прямо *нет*. Наука подлаживания, притворства и лжи приносит свои плоды, а родители при этом ещё нередко любят гибкостью детского ума, способностью детей выпутываться из затруднительных обстоятельств.

Таким образом, дело отучения детей от лжи находится в тесной связи с развитием правдивости взрослых, с нравственным оздоровлением общественной среды. Встречая в своей жизни, в порядке своей деятельности и отношений страх и подлаживание как мотивы поступков, взрослые естественно будут находить эти мотивы неизбежными и в жизни детей. Следовательно, для того, чтобы искоренить ложь у детей, взрослые должны в значительной степени уллучиться сами и уллучить порядки своей жизни. Не нужно забывать, что дети на каждом шагу видят примеры лжи, что во лжи тонут и они, и взрослые. Общественная среда проникнута ложью, показным характером, обманами, притворством. Мы постоянно заботимся о том, чтобы показать себя лучшими, нежели каковы мы на самом деле. Мы вечно притворяемся немножко и слегка обманываем.

Взрослые даже прямо иногда, а иногда косвенно учат детей лгать. Они прямо приказывают детям, что если придёт такой-то или такая-то, или придёт кто бы ни было в такой-то час, то говорить, что их нет дома, хотя на самом деле они дома; что при гостях не нужно дурно отзываться о знакомых, особенно же о самих гостях, хотя непохвальные отзывы и были бы справедливы; что в гостях нельзя жаловаться на недостатки поданной пищи, мебели, порядков, а, напротив, нужно хвалить всё; что себя нужно постоянно выказывать умным, добрым, знающим, любезным, хотя бы обстоятельства и были совсем не таковы, чтобы пробуждать в нас указанные настроения. Жизненная мудрость, которой с пелёнок взрослые учат детей, на 9/10 есть ложь и обман, лицемерие и эгоистический расчёт. Этим-то высоким добродетелям и учат взрослые детей.

Таким образом, маленький педагогический вопрос о борьбе с детской ложью крепкими нитями связывается с большими вопросами, касающимися взрослых, именно о нравственном усовершенствовании взрослых и об улучшении порядков их жизни и общественных отношений.

К этим общим замечаниям считаем не лишним прибавить несколько частных.

Не нужно лениться проверять с детьми то, о чём они говорят. Ложь теоретическая и даже сознательная близка ребёнку потому, что его восприятия часто не точны, равно как и его речь. Для устранения лжи из всех подобных источников, для внушения дитяте надлежащего почтения к истине и разъяснения, как легко, при невнимательности, нарушить её требования, нужно проверять детские рассказы, описания и суждения и указывать, где и как дитя отклонилось от истины.

В борьбе с детской ложью нужно обратить особенное внимание ещё на один частный вид лжи — ложь по благородным побуждениям: по любви, жалости, чувству чести и т.п. Ложь, оставаясь ложью по существу, может иметь весьма различное нравственное значение. Один лжёт, чтобы доставить себе какое-либо удовольствие или избежать какой-либо неприятности. Своею ложью он никому не вредит, он только обманывает то лицо, которому лжёт. Другой лжёт, клеветая на товарища, сваливая на него свою вину и даже наслаждаясь его затруднительным положением. Первый вид лжи, конечно, печален, но весьма обыкновенен; второй вид лжи несравненно злокачественнее, вреднее, опаснее, так как легко может вызвать изобличение, а потому и реже. А то бывает ложь ради спасения другого от беды, ложь добродетельная, по нравственным побуждениям. Дети удивляются сильным мальчикам, которые вину слабых принимают на себя и должным сознанием навлекают на себя наказание, или девочкам, которые, будучи любимицами своих родителей или учителей, выручают своих менее счастливых подруг в затруднительных случаях. Дети гораздо глубже и лучше чувствуют героизм самопожертвования, чем возвышенность истины. Некоторые дети объявляли, например, что они сказали бы, что их мать ушла, хотя бы она и была дома, если бы они этим могли спасти ей жизнь. Они представляли эту возможность в драматической форме, причём прибавляли, что в таком случае они поступили бы не вполне согласно истине, но сообразно с своими обязанностями; что они не были бы виновны во лжи, если бы при подобных условиях дело шло об их собственной жизни. Некоторые дети полагали, что врач должен обманывать боязливого больного относительно его опасного положения и говорить, что есть надежда на выздоровление, когда он убеждён в противном.

Вообще у большинства детей правдивость много зависит от личного расположения или нерасположения. Некоторые дети не признают несправедливости во лжи, сказанной ради родителей или друзей, упрямо настаивая на самой смелой лжи. Мальчики упорно настаивают на лжи в случае предварительного общего условия и уговора, что девочки делают редко. Они легче выдают своих подруг, потому что всё равно, говорят они, “дело обнаружится”, “кто-нибудь проболтается”. Дети не обманывают учителя, которого любят. Между детьми часто завязывается дружба, сопровождаемая безусловным доверием и скрепляемая молчанием, но и доверие, и молчание исчезают вместе с склонностью. Чужим детям, назойливым и особенно доносчикам, товарищи на совершенно определённые вопро-

сы отказываются отвечать, ссылаясь на незнание. Врагов они часто стараются победить прямо ложью. “Истина для друзей и ложь для врагов” — так исповедуют дети, и это, не особенно вообще нравственное, правило столько же распространено в детском мире, как и между взрослыми.

Ко лжи детей по благородным побуждениям нужно относиться с особенной осмотрительностью. Нужно помнить, что дети понимают истину по-своему, что у них своя правда и своя ложь, и что они лишь постепенно могут проникаться общечеловеческими идеалами. Если дети отступают от идеала истины взрослых, но не отступают от собственного идеала, это не значит, что они лгут. Это значит, что у дитяти и взрослого две мерки истинного, и дитя нельзя обвинять и карать за то, что оно, будучи дитятей, всё меряет на свой детский аршин, судит и рядит обо всём, как дитя, а не как взрослый. Иначе и быть не может. Здесь мы встречаемся с законами естества, а не с ложью.

Точно так же нужно быть снисходительными, когда мы встречаем у детей зависимость истинности суждений от чувства любви, от расположения или нерасположения к человеку. От такой субъективной примеси в своих суждениях дети могут освободиться только с большой постепенностью, сразу требовать от них объективной истины невозможно. Не забудем, что и взрослые, волею и неволею, сознательно и бессознательно, часто подчиняют свои суждения влиянию своих симпатических или несимпатических чувствований и настроений к лицам, классам, сословиям, народностям, взглядам, теориям, общественным направлениям и т.п.

Вообще не следует стремиться как можно быстрее переводить детей от их детских воззрений на ложь и правду к воззрениям взрослых на истинность и с этою целью постоянно привлекать детское внимание к фактам нравственной жизни, обсуждать их и анализировать. Такие усиленные этические расследования легко могут вызвать болезненное этическое самосознание и преждевременную этическую зрелость, могут сделать детей казуистами, которые будут серьёзно рассуждать и спорить о великих нравственных силах человека. У некоторых детей совестливость бывает настолько болезненно чувствительна, что к каждому ответу, даже к простому *да* и *нет*, такие дети присоединяют ограничение: “я думаю” или “может быть”, часто в уме, шёпотом, а иногда и громко. Определённого ответа без всякого ограничения нельзя от них получить никакими средствами. Один мальчик, который любил рассказывать волшебные истории, сообщил, что лишь только он оставался один, как сотни раз повторял слово “нет” в слабой надежде, что оно будет отмечено в небесном списке его многих неистинных рассказов, чтобы очистить его в прошлом и будущем и уничтожить его вину. Другой долгое время боялся, как бы ему не упасть мертвым, подобно Анании и Сапфире, за какую-либо возможную и, может быть, несознательную неправдивость. Такое моральное суеверие бывает в большинстве случаев непродолжительно, так как оно чуждо детской природе и легко проходит само собой. Если же оно оказывается продолжительным, то ведёт к моральной софистике и крайней разборчивости в словах.